

ПРЕДИСЛОВИЕ РЕДАКТОРА

Современная психотерапия родилась в лоне западной цивилизации. Вспоминая 80-е — 90-е годы прошлого века — годы бурного нашествия американских коллег на вновь открывшуюся для них, потомков бесстрашных первопроходцев, землю, я отчетливо осознаю некоторые особенности их поведения. Они ощущали себя миссионерами на девственной земле аборигенов и вели себя соответственно. Нет, они были вполне дружелюбны, открыты на американский манер и сверкали своими знаменитыми улыбками. Но ощущение того, что мы им были интересны в связи с двумя доминирующими и определяющими их прибытие сюда мотивами, не покидает меня. Мы представляли для них интерес ровно в той мере, в какой они хотели завоевать новую психологическую «территорию» (и аудиторию, а, тем самым, и рынок для психотерапии), а, с другой стороны, мощным двигателем был питаемый ими к аборигенам исследовательский интерес. Там было много замечательных людей, искренне желающих «аборигенам» добра на свой лад, добра, понимаемого в той системе ценностей, которую они почитали естественной, общечеловеческой, то есть ценностей американского демократического общества. (К слову, — поведение европейцев сильно разнилось с американским — в нем не чувствовалось того, что они при «миссии», оно не ограничивалось ролью «представителей» нации и профессионалов в определенной области, оно было более личностным, ими руководил не исследовательский интерес, а человеческий).

Я во многом разделяю демократические ценности западной цивилизации, но разница между нами в том, что я не думаю об этих ценностях как основанных на «естественных» правах человека, следовательно, понимаю, что некая аксиологическая система есть конкретно-исторический продукт — один из многих, произведенных человечеством за свою длинную и бурную историю. Одни полагают, что это высшее достижение человечества, другие сильно в этом сомневаются.

Постепенно на протяжении прошедших с тех пор десятилетий мы все отчетливее осознавали, что психотерапия и сама воплощает эти ценности, декларируя при этом «ценностную нейтральность». Она — мощный проводник этих ценностей в жизнь, в некотором смысле один из инструментов, с помощью которых реализуется, пользуясь терминологией М. Фуко, «дискурс господства» в постиндустриальном обществе.

В то же время при знакомстве с современной американской психотерапевтической литературой можно было то и дело наткнуться на критические высказывания в адрес психотерапии. Причем в них звучала новая нота — раньше

критическому осмыслению подвергались конкурирующие психотерапевтические школы, и критика эта была предметной, то есть направленной на то, как другие понимают предмет психотерапии, ее метод и средства, а требования, которыми регламентировалась такая предметная критика, подчинялись правилам научного дискурса. Теперь же критика психотерапии постепенно выходит за эти рамки. Правда, пока психотерапевтическое сообщество в целом не осознает себя как самостоятельную культурную институцию, что предполагает некие ценностно-смысловые основания, выходящие за границы «научной и профессионально-врачебной этики», но уже осознает свою причастность, свое влияние на культурную ситуацию. В частности, в Америке все шире осознается факт производства психотерапией специфического человека — *homo psychotherapeus* — этакого воплощения американского стиля жизни.

Любопытно, однако, то, что, несмотря на осознание этими критически настроенными авторами сущностной связи психотерапии с материнской культурой, ее породившей, конкретные меры, предлагаемые для «исправления» создавшегося положения, связаны все с той же культурой, все с тем же кругом основополагающих для нее устойчивых ценностей, и направлены на поддержание ее стабильности. Я имею в виду разрабатываемый в связи с актуальностью проблемы глобализации (т.е. глобальной экспансии доминирующей модели жизни) некий комплекс защитных предприятий, в который входит кодекс толерантности к инокультурному образу жизни, во-первых, а, во-вторых, усиленное (превентивное?) изучение представителей иных культур в рамках кросс-культурных программ. Так, современные пособия по психотерапии американского производства обязательно включают раздел, посвященный учету особенностей разных социокультурных групп при проведении с ними консультативных или психотерапевтических курсов.

Славой Жижек — видный современный философ — посвятил анализу мультикультурализма (или — в подзаголовке — «культурной логике многонационального капитализма») целый раздел в своей книге «Интерпассивность», где показал, что «критическая энергия нашла отдушину в борьбе за культурные различия, которые оставляют основополагающую гомогенность капиталистической мировой системы невредимой» (2005, с.115).

В предлагаемом читателю сборнике поднимается и обсуждается вопрос о ценностных основаниях психотерапии, звучащий сегодня, как никогда, актуально. Авторы интересуют философия психотерапии нового века. Они единодушны в том, что психотерапия в своих общечеловеческих предпосылках базируется на некоем базовом основании — онтологической нужде в «другом». Каждый из четырех авторов раздела, посвященного интеграции психотерапии, расставляет свои акценты в обсуждаемой проблеме, привлекает для аргументации своих любимых учителей из числа философов или психологов, — кто М.М. Бахтина (А.Ф. Копьев, Л.И. Воробьева), кто Т.А. Флоренскую (М.Ю. Колпакова), кто А.А. Ухтомского и Э. Левинаса (Т.В. Снегирева), но все едины в понимании психотерапевтического процесса как диалога. Они сходятся и в том, что психотерапия, мыслимая как единая система, а не конгломерат разрозненных школ, должна иметь в своей основе общее философское основание.

Поставленная для обсуждения в данном разделе проблема интеграции психотерапии помещена авторами в контекст философско-антропологической

проблемы, где они ищут и находят это основание — в понимании человека как духовного существа. Интеграция психотерапии с необходимостью затрагивает ее ценностные аспекты, как показывает история интегративного движения, анализ которого представлен в статье М.Ю. Колпаковой. Стратегия интеграции психотерапии, предлагаемая Л.И. Воробьевой и основанная на методологическом принципе «метауровня», с помощью которого она может быть объединена в системное целое, поэтому строится на едином ценностно-философском основании — этой неспецифической для разных направлений психотерапии составляющей, которой пренебрегли ее отцы-основатели, сведя психотерапию к функциональной роли института социальной адаптации, что и привело к появлению специфического «психотерапевтического» человека.

Мультикультурализм и толерантность к другому, эти вновь провозглашенные Западом ценности всего лишь симптомокомплекс, означающий реальную проблему, с которой он не может справиться — неспособность к диалогу с другим, поскольку «другой» здесь сведен к комплексу социальных, половых, этнических, религиозных и т.п. различий. В тех традициях, в которых работают представляемые читателю авторы, «другой» не редуцируется к этим функциям, а выступает как онтологически необходимое условие человеческого бытия. Психотерапевт в таком понимании — не просто агент социальной системы, реализующий ее ценности и нормы, но и «другой» в своей неизбежной общечеловеческой духовной миссии — источник смысла. В связи с этим авторы исследуют особенности психотерапевтического диалога, отличающего его от иных видов коммуникации — обыденного общения, религиозных и духовных практик.

Статья Н.П. Бусыгиной, на первый взгляд, кажется далекой от психотерапии и актуальных для нее проблем. Она посвящена проблеме развития научной психологии, находящейся, как известно, в перманентном кризисе. Однако более углубленное прочтение позволит читателю уловить сходство, прежде всего, в той культурной ситуации, в которой оказались как научная психология, так и психотерапия. Обе испытывают генетическое влияние со стороны классической эпистемологии и ищут пути выхода из некоего тупика, переживая своего рода «подростковый кризис», который по меткому выражению Э. Эриксона состоит в «выдергивании корней». Философия постмодерна, сделавшая попытку такого «выдергивания корней» — классической новоевропейской рациональности, связанной с именами Р. Декарта и И. Канта, на которых выросла, в том числе, и экспериментальная психология, — подвергнута автором тщательному и глубокому анализу с целью поиска нового идеала рациональности для психологии. Этот анализ дал возможность автору не в пример многим отечественным психологам, боящимся расстаться с идеалом «одной-единственной объективной Истины», для которых «постмодернизм» — нечто вроде ругательства, сделать выбор в пользу концепции коммуникативной рациональности в качестве нового идеала для психологии. На взгляд психотерапевта, размышляющего над сходной проблемой, весьма интересна аналогия с тем, что предлагают авторы, включенные в раздел сборника, посвященного интеграции психотерапии, говоря о диалоге. Однако было бы интересно исследовать не только очевидное семантическое сходство, но и содержательные различия между обоими понятиями. Несомненно, совместная работа в этом направлении может продвинуть нас в понимании отношений между научной психологией и психотерапией.

Аналитический обзор, сделанный А.В. Деревянко, интересен тем, что движется в общем для авторов сборника направлении поиска — от классических к неклассическим направлениям мысли как основания для собственного самоопределения в качестве исследователя и практика. Выбрав модный сегодня социальный конструкционизм в качестве такого философско-методологического фундамента, он рассматривает концепцию М.М. Бахтина как его предтечу. Можно найти в бахтинской философии и это. На мой же взгляд, она объемнее и значительнее этих неклассических и «постсовременных» направлений, потому что сосредоточена на антропологической проблеме. Если многое другое интересует Бахтина, то только потому, что все это высвечивает главное в его поиске — что такое бытие человеком. Социальный конструкционизм, так же как и концепция коммуникативной рациональности, этой глубинной проблемы не касаются. Они опираются на «неявное знание» о человеке, характерное для европейского разума эпохи глобальных социальных потрясений XIX-XX века, определяя его «природу» как тотально социальную, ограничивая этим ценностно-смысловую перспективу его существования. Не эксплицируя это неявное знание, полагая его само собой разумеющимся, эти самые современные направления гуманитарных исследований оказываются в арьегарде духовных поисков эпохи, не предлагают выхода из смысложизненного кризиса, в котором находится европейская цивилизация. Вне того или иного решения антропологической проблемы вопрос о ценностных основаниях человеческого существования невозможен. Для психотерапевта, впрочем, как и для психолога-исследователя вопрос о ценностных основаниях своей деятельности, как утверждает К.Дж. Герген и иже с ним, отнюдь не безразличен. Следовательно, рано или поздно их последователи столкнутся с этой проблемой.

Представляя данный раздел сборника, хочется отметить то, что от него протянуты нити ко второму разделу, вдумчивый читатель сможет поразмышлять, сравнивая тексты авторов того и другого, на тему: «диалог и коммуникация».

А.И. Сосланда объединяют с авторами предыдущих работ широкие теоретические интересы. Однако, в отличие от них контекст его изысканий — иной. Переход от классической эпистемологической ситуации к современной означал, что классический тип рациональности, когда мышление равнозначно своему предметному содержанию, меняется. Теперь мысль укоренена в неммыслимом, ибо она определяется извне. Эта «изнанка» мысли, концептуализированная как воля, желание и т.д., обнаруживает иллюзорность гносеологического субъекта классической философии, напроць лишенного онтологического статуса. Мысль, — как ее обнаруживает современная философия — существует в единстве с неммыслимым, отнюдь не внеположным ее предмету. Наука как абсолютное воплощение классического разума полагает независимость мысли от неммыслимого. Психотерапия, которая до сих пор стремится к изживанию комплекса научной маргинальности, имеет шанс легитимировать себя иным образом — как гуманитарный дискурс. Условием и предпосылкой гуманитарного мышления является обнаружение бытия мысли в единстве с ее собственным неммыслимым. Такая эпистемологическая трансформация классики в современность одновременно означает тотальный переход к гуманитарной парадигме, ибо мысль — эта бесплотная абстракция — ныне обретает онтологический статус в такой категории

как переживание, которое реализует единство всего того, чем направляется мысль, в акте схватывания ее предметного содержания. В этом смысле, несмотря на тематические различия с авторами второго и третьего разделов, А.И. Сосланд обнаруживает сходство в понимании того, что психотерапия отнюдь не является наукообразной «ценностно нейтральной» практикой и загружена различными переживаниями, в том числе, гедонистическими.

Говоря о «гедонистическом», А.И. Сосланд изымает наслаждение из научно-позитивистского обихода и представляет его как «социальный конструкт, как элемент культуры, как своеобразный нарратив», тем самым, уходя от натуральных толкований наслаждения, обслуживавшего категорию «потребность». В нынешней публикации он продолжил разработку аттрактив-анализа и исследование аттрактивных стратегий. Выбор темы свидетельствует о том, что интерес автора к проблеме соблазна и желания неистощим, и это позволяет надеяться на продолжение работы над концептами, стимулированными идеями Ж. Бодрийера и М. Фуко.

Теоретико-методологическому исследованию оснований психотерапии и построению авторских моделей посвятили свои статьи Ф.Е. Василюк и А.В. Сухарев. А.В. Сухарев предпринимает попытку теоретического обоснования «этнофункциональной психотерапии». Ф.Е. Василюк подводит итоги двадцатилетней работы, обобщает материалы ранее опубликованных, широко известных статей — «понимающая психотерапия», созданная им, известна отечественным психотерапевтам и не нуждается в представлении читателю. Понимающая психотерапия Ф.Е. Василюка в своем замысле была проектом, нацеленным на устранение разрыва («схизиса») между академической психологией и психологической практикой, и это была не только научная, но и жизненно важная задача для автора. Относясь трепетно к наследию отечественной культурно-исторической школы, он призывает к тому, чтобы не потерять его, развить и противопоставить западной психотерапии свою российскую версию, опираясь на философию практики Л.С. Выготского, понимая ее как психотехническую систему, включающую в себя как органичный элемент рефлексивное осмысление практики в виде собственной теории. Следуя теории деятельности А.Н. Леонтьева, Ф.Е. Василюк развивает оригинальную концепцию переживания, на основе которой строит типологию «жизненных миров» и закладывает ее в основу «понимающей психотерапии». В онтологии жизненных миров контекстуально прочитывается определенная ценностно поляризованная территория, ориентирующая процесс терапии на творческое переживание. Аксиологические основания психотерапии все больше приковывают к себе внимание автора, замышляющего построить ее русскую версию на христианских истоках нашей культуры, и это нашло отражение в итоговой статье, помещенной в сборник.

Заключает сборник раздел, в котором представлены две статьи, сконцентрировавшие внимание на вопросе женской идентичности, вызывающей у психотерапевтов неизменный интерес. Т.П. Гаврилова вносит свой вклад в эту проблему с помощью содержательного анализа литературы по данной теме, разрабатывает оригинальную типологию нарушений женской идентичности, а также предлагает вниманию читателя тонкие наблюдения, касающиеся влияния различных типов нарушений на судьбу женщины, особенности ее выбора партнера, стиль поведения в семье, воспитания детей и т.д. Логика исследования при-

ПРЕДИСЛОВИЕ

водит автора к анализу причин различных нарушений женской идентичности. Н.В. Самоукина предлагает читателю тренинговую методику для работы с нарушениями женской идентичности у современных деловых женщин — наших соотечественниц.

Предлагаемый вниманию читателя сборник статей является первым опытом совместной работы сотрудников лаборатории научных основ психотерапии и психологического консультирования ПИ РАО и факультета психологического консультирования МГППУ. Составитель и редактор надеется, что он найдет заинтересованного читателя.

Л.И. Воробьева